

туальная терапия (как принято считать, имя «Эмпирик» было дано Сексту, вероятно, вследствие его увлечения медициной, которой, судя по всему, занимался его учитель, Геродот из Тарса) с оттенком демарша против поучений и морализаторства «старших». Несмотря на то, что, по замечанию Секста, почти все философы, объявлявшие себя обладателями истины, были стариками (Платон, Демокрит, Эпикур, Зенон – Против ученых, УП.321), «часто молодые являются более понимающими, чем старики, так и в философии молодые оказываются достигшими большего в сравнении со стариками» (там же, УП.322). Впрочем, такой демарш – не самоцель и скепсис пирронистов не только широкий, но и рефлексивно-последовательный, так как распространяется и на сам скептицизм. Поэтому задача систематической реконструкции скептицизма как философской школы невыполнима – её система или полнота всегда будет зависеть от того «догматизма», из критики которого вырастает скептицизм, в этом смысле, на догматизме паразитирующий. «Интеллектуальная терапия» скептиков имеет практически-этический характер, ибо такой громоздкий, монотонный скептический анализ предпринимается с одной целью – продемонстрировать бессмысленность и анализируемого, и самого анализа и вернуть познающего, пытающегося познать смысл мира и жизни человека, тот есть философа, в состояние обычного, обыденного, эмпирического, естественного индивида. Бессмысленность знания и мудрости для скептика – не повод ни для отчаяния, ни для эскапизма. Дойдя до апорийной, антиномичной, изостенической границы процесса познания, он предлагает его остановить, не «принимая близко к сердцу» познавательную бессмыслицу – если разрушен мир знания, теория, то мир чувств, явлений, «жизненный мир», мир живого человека ненарушим и дает необходимые жизненные ориентиры, не давая оснований для успокоения и бездеятельности: «Таким образом, придерживаясь явлений, мы живем в соответствии с жизненным наблюдением, не высказывая решительного мнения потому, что не можем быть всецело бездеятельными» (Пирр. I.23).

В литературе о скептицизме часто цитируется Диоген Лаэртский (IX.68), рассказывающий о поведении Пиррона во время бури на корабле: «...когда спутники его впали в уныние, он оставался спокоен и ободрял их, показывая на корабельного поросенка, который ел себе и ел, и говоря, что такой бестревожности и должен держаться мудрец». Равнодушие к философским проблемам как лучшее средство против метафизики и метафизического опыта, приходящего ко всякому, кто принимает философские проблемы «всерьез» – вот основа скептической терапии. Скептик – философ, которому «посчастливилось» остаться обычным человеком и не нести ответственность ни за мир, ни за своё знание, ни за нормативность, проблема которой неизбежно встает перед метафизиком. Он полагается на уже сущий мир, на мир явлений и живет по «заветам отцов, по законам и указаниям других людей и по собственному чувству». Поэтому базовые скептические выражения как совокупность лексических средств, демонстрирующих «скептическое расположение ума» (Пирр. I.187), которые можно расценить в качестве «скептических перформативов», по большей части, не являются высказываниями: «не более» (Пирр. I.187), «невысказывание»- афазия (Пирр. I.192), «эпохе» («воздерживаюсь от суждения» – Пирр. I.196), «пожалуй» (I.194) и т.д. А если это и высказывание, то оно свидетельствует или представляет человека, который, на самом деле, не очень-то и хочет представляться или свидетельствовать о себе: «Я ничего не определяю» (I.197), «всё есть неопределённое» (I.198) и т.д.

Таким образом, скептицизм как «поиск», а скептик как «ищущий» движется «вниз по лестнице, ведущей вверх», а противоречивый предел познания, к которому ведет их поиск, есть стоп-сигнал для избавления и от скептических, разрушающих познание, средств: «Ведь есть много такого, что причиняет самому себе то же самое, что делает в отношении другого... И опять: как нет ничего невозможного в том, чтобы взойдя по лестнице на высокое место опрокинул ногою лестницу после восхождения, так не противоречит здравому смыслу и то, что скептик, достигнув завершения предстоявшего ему предприятия при посредстве рассуждения, доказывающего, что доказательство не существует, как бы при помощи некоей штурмовой лестницы потом устранил и самое это рассуждение» (Против ученых, УП.480-481). «Эпохе», излечивающее скептика от бесплодных интеллектуальных поисков, «возвращает», «пускает» его в обыденный мир, в «жизненный мир» нормального человека, который предпочёл самотождественность мучительной философской рефлексии.

Источники и литература

1. Секст Эмпирик. Против учёных. Книги УП – X // Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т.1. Общая редакция, вступительная статья и перевод с древнегреческого А.Ф.Лосева. – М.: Мысль, 1975. – 399с. Далее ссылки на Секста будут в тексте в круглых скобках, римские цифры обозначают книгу, арабские – фрагмент.
2. Секст Эмпирик. Три книги пирроновых положений. // Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т.2. – М.: Мысль, 1976. – С.207–381.
3. Лосев А.Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика // Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т.1. – М.: Мысль, 1974. – С.5-61.

Сафонова Н.В.

МЕТАМОРФОЗЫ ПРИНЦИПА ТОЧНОСТИ В МАТЕМАТИКЕ

Всеобщий интерес к проблемам философии математики в настоящее время ослабел. Вероятно потому, что предметом оживленных дискуссий был кризис математики, просуществовавший в течение целого столетия и потерявший свою злободневность лишь к концу XX века. По всей видимости, процесс стагнации в философии математики обусловлен тем, что ни одна из программ по выходу из кризиса (программа Гильберта, интуиционистская программа, завершившаяся созданием конструктивной математики, программа логицизма) не была осуществлена в той мере, чтобы быть принятой абсолютным большинством.

Однако рост математического знания настоятельно требует философского осмысления и анализа. Р. Херш (Hersh R. A fresh winds in the philosophy of mathematics // Amer. Math. Monthly. - 1995. - Aug.-Sept. - P.

590-591.) говорит, что «философия математики запоздала со своим Поппером, Куном, Лакатосом и Фейерабендом. Она запоздала с анализом того, что делают сами математики, и с соответствующими философскими рассуждениями» [1].

Образ математики существенно изменился, вследствие внешних и внутренних причин. Со времен Платона в математике видели образец априорного, универсального знания. Вера в предопределенность математических объектов (их единственность и априорность) заложила определенный образ математики, просуществовавший вплоть до середины XX века. В конце XIX века заявление О. Шпенглера о «математике – продукте человеческого разума» [2] звучало революционно. Однако спустя столетие абсолютное большинство приходит к мнению, что «социальный характер математики является тривиальным обстоятельством, свойственным всему человеческому знанию» [1]. Внутри самой математики произошел ряд серьезных изменений, вследствие попыток осмысления кризиса и необходимости решения ряда практических задач (а именно: проблемы физики, требующие новых математических моделей, всеобщая компьютеризация – некоторые задачи математики стали решаться с помощью многооперационных алгоритмов, что ранее было невозможно). Внутренние трансформации в математике не могли не сказаться на ее образе, методологических принципах, новых объектах и структурах. Таким образом, объектом исследования в работе выступает современное математическое знание, предметом исследования – трансформация способов организации научного знания.

Цель данной работы: установить, как происходит трансформация образа математики (как цитадели точности) и чем она обусловлена. Цель конкретизируется рядом задач:

- выявить, что есть вероятность того, что в отдельных структурах математики происходит отказ от претензии на точность;
- определить роль принципа точности в формировании математики;
- установить по какой причине в новых разделах математики отсутствует претензия на точность своих результатов;
- рассмотреть особенности новой теории, отвергающей принцип точности;
- определить возможные преимущества нового образа математики, предложив на рассмотрение собственную модель онтологизации математических объектов.

Есть вероятность того, что в математике XXI века происходит попытка отказа от претензии на точность. Утверждение основано на следующем факте. «Появившаяся десять лет назад квантовая математика не предназначена, вообще говоря, для каких-либо приложений в квантовой физике (хотя и может их иметь), а напротив, отражает влияние идей, заимствованных из квантовой физики в математику.

$$x(x - h)(x - 2h) \dots (x - (n - 1)h) = x^n \quad (1)$$

h – обычно называется постоянной Планка и считается малым.

Все математические понятия, оказывается, допускают разумную в некотором смысле деформацию, так что при $h=0$ продеформированный объект превращается в обычный, а при отличных от нуля значениях параметра имеет качественно другие свойства» [3]. В формуле (1) левая часть равна правой лишь в том случае, если $h=0$. Предположим, $h=6,62 \cdot 10^{-34}$ (значение постоянной Планка – очень малая величина), тогда левая часть, с точки зрения классической математики, не может быть равна правой. Таким образом, в равенстве намеренно допущена неточность. Принцип точности в новой теории специальным образом игнорируется.

Но был ли принцип точности в математике и какую роль он играл? Возможно, принцип точного знания являлся «осевым» для формирования математики. Фактически он рождается и проходит свое становление одновременно с самой математикой. Древние греки стремились отличать знание (episteme) от мнения (doxa). Заслуживает внимания тот факт, что в переводе с древнегреческого математика (mathēmatikē < mathēma – познание, наука) – *точное знание*.

Для древних греков ценность представляло точное знание. Поэтому они тщательно избегают объектов и методов, ведущих к неопределенности, многозначности результатов. Так, древние греки отказываются от применения бесконечности, в связи с тем, что ее использование приводит к парадоксам и неопределенности. Невозможность вычислить точно диагональ квадрата со стороной единица (то есть вычислить число, равное $\sqrt{2}$), привело их в ужас (в последствии эту ситуацию назвали первым кризисом в математике). Древние греки также отказываются от применения неточных методов. Так, например, в момент зарождения знаний о математике еще пользовались методом наложения одной фигуры на другую с целью установления их равенства. В последствие от метода отказались, так как такой способ доказательства содержал толику сомнения (приходилось полагаться на органы чувств), следовательно, не соответствовал идеалам точности и строгости. Необходимость однозначной определенности была осознана еще Аристотелем и привела его к формулировке одного из основных законов логики, (применяемого в классической математике), – закона тождества $a \equiv a$.

Таким образом, можно сказать, что точность и строгость являются парадигмальной установкой древних греков, тем законом, который жестко связан с самим представлением о математическом знании, и который определил его нынешний современный образ.

Что же произошло? По каким причинам происходит отказ от осевого методологического принципа, формировавшего математическую науку на протяжении XXV веков? Что было присуще XX веку, что позволило появиться новой теории, за счет чего преодолен запрет на неточность?

Академик Арнольд утверждает, что появление новой теории связано с трансформацией приоритетов, произошедших в физике, то есть культурных переосмыслений, пришедших в математику извне. Действительно, физика, в отличие от математики, за короткий период обросла новыми эмпирическими данными, позволившими сформировать принципиально иные теории (теория электромагнитных волн, теория относи-

тельности, квантовая теория). Эти теории потребовали адекватных математических моделей. Действительно, достаточно часто особенность теорий заключалась в том, что приходилось иметь дело с вероятностными процессами, которые а priori не могут иметь точного единственного решения. Так, история методов си-нергетики (теория неустойчивости) связана с именами крупных математиков. «Прежде всего, это великий французский математик, физик и философ Анри Пуанкаре, который уже в конце XIX века заложил основы методов нелинейной динамики и качественной теории дифференциальных уравнений (для нужд физики). Именно он ввел понятия аттракторов (притягивающих множеств в открытых системах), точек бифуркаций (значений параметров задачи, при которых появляются альтернативные решения), неустойчивых траекторий и динамического хаоса в задаче о трех телах небесной механики (притяжение Земля-Луна-Солнце)» [4].

Таким образом, математика, отказавшись от точности в новой теории, осуществила перенос идей из физики. В.С. Стёпин остроумно называет такое междисциплинарное влияние «парадигмальной прививкой» [5]. Это не могло произойти, пока математика не осознала своего социального характера, необходимости обращения к эмпирическим задачам, в противовес традиции, идущей от Платона. Для великого философа математическое познание должно быть очищено от всякой эмпирики. «Эти узоры на небе... Это постигается разумом и рассудком, но не зрением... Значит, мы будем изучать астрономию также, как геометрию, с применением общих положений, а то, что на небе оставим в стороне, раз мы хотим действительно освоить астрономию» [6, с. 340-341].

Таким образом, причину отказа от точности следует искать в осознании математики как творческой деятельности, находящейся в определенных социо-культурных рамках. По этой причине осуществлялась возможность переноса идей физики в математику.

Что же собой представляет новая теория, каково ее содержание? Анализируя появление квантовой математики, можно обнаружить следующее несоответствие. Академик Владимир Арнольд утверждает, что эта теория возникла в 90-х годах XX века и она «не предназначена, вообще говоря, для каких-либо приложений в квантовой физике (хотя и может их иметь)» [3]. Однако термин квантовая математика широко используется в следующих вариантах. А.Я. Хелемский утверждает, что квантовая математика разрабатывалась еще в 20-х годах XX века фон Нойманном, причем из потребностей в математической модели квантовой физики [7]. К сожалению (в связи с отсутствием дополнительной информации), мы не можем утверждать абсолютно точно, идет ли речь об одной и той же теории, хотя в пользу этого вывода говорят несколько фактов.

1. Налицо общность термина, в том и в другом случае употребляется термин квантовая математика.

2. Общие принципы. Теория, которую начал разрабатывать фон Нойманн, в начале имела название - некоммутативная математика. Следовательно, в ней $a \times b \neq b \times a$, это обобщение формулы (1).

Но даже, если же речь идет о двух различных теориях, то в том и другом случае это не вступает в противоречие с нашим мнением о том, что в математике произошел отказ от принципа точности, в связи с осознанием ее продуктом культуры, так как обе теории построены благодаря идеям (или потребностям) квантовой физики.

Что же сулит отказ от «осевого» принципа математики?

Возможно, отказ от принципа точности не несет никакой деструкции. Напротив, формирование новых принципов обещает много интересных возможностей, что неизбежно приведет к новому пониманию математических объектов, а с ними и новых путей развития. Математика давно нуждается в подобном переосмыслении (а именно, в большей онтологизации своих объектов), так как увлечение формализмом завело ее в тупик. Широко известен тот факт, что в XX веке появилось огромное количество формальных теорий, имеющих отношение к проблемам оснований математики, но представляющих слабый практический интерес. Более того, потеря математикой эмпирической базы отрицательно сказывается на эвристическом потенциале. Будущие молодые ученые в процессе обучения лишены в математике наглядности и практической заинтересованности. Таким образом, что подобная переоценка методологических принципов давно назрела внутри самой математики в связи с потребностью вернуть эмпирическую базу своим объектам. Этой проблеме посвящено достаточно большое количество литературы, (например, см. [8]).

Обладает ли новая теория возможностью вернуть эмпирическую базу некоторым объектам математики? Ниже предлагается модель онтологизации математических объектов и операций.

Проблема осмысления бесконечно-малых величин так и осталась на поверхности. В истории математики были предприняты две попытки объяснить природу бесконечно малых величин. Первая была осуществлена Огюстеном Луи Коши в XIX веке после появления ряда антиномий, возникших в математике в результате необоснованного применения бесконечно-малых величин. Знаменитый математик воспользовался понятием предела (\lim) и стал рассматривать бесконечно-малые величины не как постоянные атомы прямой, а как переменные величины, стремящиеся к нулю. Однако в математической теории, использующей понятие бесконечного, полного понимания бесконечности так достигнуто и не было.

Рассмотрим несколько основных определений теории бесконечно малых величин классической математики. Их выбор обусловлен следующим. В первом случае представлено определение понятия бесконечно-малого. Во втором дано определение предельного перехода, то есть того приема, который позволил устранить парадоксы при работе с бесконечно-малыми величинами. Определения представлены в современном виде (см. любой справочник по высшей математике или учебник по математическому анализу).

Определение 1. Последовательность $a_1, a_2, a_3, \dots, a_n, \dots$ называется бесконечно-малой, если для любого положительного числа ε существует такой номер N , после которого члены последовательности по абсолютной величине меньше, чем ε .

Определение 2. Число A называется пределом последовательности $a_1, a_2, a_3, \dots, a_n, \dots$, если для любого положительного числа ε существует такой номер N , что для всех номеров $n > N$ выполняется неравенство $|a_n - A| < \varepsilon$.

Обозначатся так: $\lim_{n \rightarrow \infty} a_n = A$

Какие представления из этих определений можно получить? С помощью первого можно установить, является ли предложенная последовательность бесконечно-малой. Но нам не ясна ее природа, при этом достаточно проблематично согласно этому определению построить такую последовательность. В следующем определении мы можем видеть, что предельный переход – всего лишь некоторый инструмент, упорядочивающий и классифицирующий бесконечное, но не онтологизирующий ее.

Таким образом, созданная теория Коши позволяет сравнивать, производить операции, находить признаки, но в полном объеме не раскрывает понятия бесконечно-малого.

Более того, обращение с бесконечно-малыми величинами в классической математике по-прежнему лишено строгости (или точности). При дифференцировании функции математики поступают двояко: то принимают бесконечно-малое во внимание, то в конечном результате отбрасывают его, считая равным нулю. Для подтверждения наших слов рассмотрим классический пример определения производной функции $y=x^2$.

Пусть x получает приращение Δx . При этом мы переходим к аргументу $x+\Delta x$. В точке x функция принимает значение x^2 , в точке $x+\Delta x$ – значение $(x+\Delta x)^2$. Поэтому приращение функции Δy , равное разности между новым значением функции и ее первоначальным значением, имеет вид

$$\Delta y = (x + \Delta x)^2 - x^2.$$

Составим теперь отношение $\Delta y/\Delta x$.

$$\frac{\Delta y}{\Delta x} = \frac{(x + \Delta x)^2 - x^2}{\Delta x} = \frac{x^2 + 2x \cdot \Delta x + \Delta x^2 - x^2}{\Delta x} = 2x + \Delta x \quad (2)$$

Найдем предел этого отношения при $\Delta x \rightarrow 0$. При этом величина $2x$ не меняется, $\Delta x \rightarrow 0$, следовательно

$$y' = \lim_{\Delta x \rightarrow 0} \frac{\Delta y}{\Delta x} = \lim_{\Delta x \rightarrow 0} (2x + \Delta x) = 2x \quad (3)$$

Итак, в выражении (2) мы полагали $\Delta x \neq 0$ (так как на нуль делить нельзя), на следующем шаге считали $\Delta x=0$, основываясь на том, что Δx - бесконечно-малое и результат дифференцирования существенно не изменится.

Таким образом, процесс дифференцирования (это одна из фундаментальных операций в классической математике) в своей основе лишен строгости и точности. Обратим внимание, что в формуле (1) в левой части равенства h не должна быть равной нулю, а в правой $h=0$, то есть ее поведение аналогично ситуации дифференцирования функции ($\Delta x \neq 0$, $\Delta x=0$). Но в новой теории этот процесс прописан явно.

Вследствие того, что бесконечно малые величины не были определены вполне корректно [9, с. 420], вторая попытка объяснить их природу была разработана Абрахамом Робинсоном (через сто лет после смерти Коши). «Нестандартная модель математического анализа, в которой наряду с обычными стандартными действительными числами, присутствуют новые нестандартные, в том числе бесконечно малые и бесконечно большие величины» [10, с. 413]. Эта формальная теория и она также лишена эмпирической базы, следовательно, природа бесконечно малых величин до конца не прояснена.

Какие же перспективы в переосмыслении несет теория, игнорирующая принцип точности? Возможно, она обладает возможностями онтологизировать сущность бесконечно-малого. Осуществим эту попытку. Будем исходить из того, что В. Арнольд говорит о том, что h назвали постоянной Планка (ее значение очень мало). Предположим, что природа h -бесконечно-малого может быть связана с поведением малых частиц квантовой физики.

Если ранее неискушенный математик воспринимал взятие производной как хитроумный фокус (первым шагом полагаем $\Delta x \neq 0$, вторым - $\Delta x=0$), то, в настоящее время аналогичную ситуацию можно наблюдать в физическом мире. А именно, в некоторый момент времени t на определенном участке вакуума можно установить, что никаких малых частиц не существует ($h=0$), в другой момент времени t' , существует вероятность того, что может появиться микрочастица ($h \neq 0$). Таким, образом, иллюзионистское поведение бесконечно-малого в процессе дифференцирования функции можно онтологизировать, указав в природе объект, поведение которого аналогично рассмотренной ситуации.

Конечно, «квантовая математика не предназначена для каких-либо приложений в квантовой физике» [5], следовательно, с формальной точки зрения, такой процесс онтологизации можно назвать «притягиванием за уши». Однако преследовалась другая цель. Как уже говорилось, математика, оторванная от эмпирической базы, стала испытывать трудности. Необходимо использовать все возможности для контакта физики и математики, что, несомненно, благотворно скажется на них обоих.

Выводами данной работы являются:

- в некоторых структурах математики произошел отказ от принципа точности;
- произошло это вследствие того, что математика, осознав себя продуктом человеческого разума, осуществила перенос идей физики;
- показаны возможные преимущества нового методологического принципа в сфере возвращения математике эмпирической базы.

Источники и литература

1. Целищев В.В. Поиски новой философии математики. /filosof. historic. ru/book/item/t00/s00/z0000700/.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Образ и действительность. /Пер. с

- нем. Н.Ф. Гарелина. – Минск: ООО Попурри, 1998. – Т. 1. – С. 96-97.
3. Арнольд В.И. Международный математический конгресс в Берлине //Вестник Российской Академии наук. – 1999. – Т. 69. – №2. – С. 186-187.
4. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Роль синергетики в формировании новой картины мира. /www.reflection.ru/library/Arschinov 2005.doc
5. Степин В.С. Структура научных революций. /Стенограмма программы «Гордон» телеканала НТВ. – 24.12.03. /www.chronos.msu.ru/PREPORTS/styopin structura.
6. Платон. Сочинения в трех томах. /Пер. с древнегреч., под общ. Ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3(1). – 687с.
7. Хелемский А.Я. Квантовая математика. /Стенограмма программы «Гордон» телеканала НТВ. – 17.10.02. /www.ntv.ru/gordon/archive/200210/.
8. Касаткин В.Н., Дерюгин А.Д. Чем больна современная система обучения в математике? //Кварк. Симферополь, 1997. – № 1-2. – С. 2-11.
9. Мадер В. В. Введение в методологию математики: (Гносеологический, методологический и мировоззренческий аспекты математики. Математика и теория познания). - М.: Интерпракс, 1994. - 447с.
10. Математика. Большой энциклопедический словарь. /Гл. ред. Ю.В. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 848с.:ил.

Халезова Л.В.

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ КРЫМСКОГО ЛУКИ О ДУХЕ, ДУШЕ И ПОКАЯНИИ

Отечественные религиоведы в последнее время обращались к познанию истоков национальной духовности, где они работают над поиском собственных оригинальных проявлений украинской духовности.

Феномен духовности как таковой вызывает интерес как у украинских и российских исследователей, так и у представителей зарубежных философских течений. В последнее время на эту тему вышел целый ряд публикаций таких авторов, как Н. Иордаки [5], Г.Платонов, А.Косычев [7], І.Степаненко [11], М.Олійных [6], О.Васильева [3].

Авторы рассматривают способы развития духовности личности, пытаются определить философские контуры духовности, однако, тема духа и души еще не была высвечена отдельно. Исследование работ Святого Луки (Войно-Ясенецкого) необходимо сегодня, т.к. его философско-религиозные воззрения являются актуальной проблемой для современных интеллектуалов. В последнее время исследователи все чаще обращаются к наследию духовного порядка, оставленному такими великими украинскими деятелями как Григорий Сковорода, Иван Франко, патриарх Йосиф Слепой и архиепископ Крымский Лука

Целью статьи является стремление показать найденный Лукой ответ на вопрос о взаимодействии духа и души, и роли покаяния в развитии духовности личности.

Архиепископ крымский Лука оставил после себя много работ: эссе, проповедей, писем. Все эти документы интересны как с точки зрения верующего, находящего опору в текстах проповедей, так и обывателя, ищущего ответы на риторические вопросы (Откуда столько страдания в мире? Что такое «чудо»? Как быть праведным? Что такое «вера»? И др.). Для исследования религиозно – философских воззрений интересны две полноценные книги святителя: «Дух, Душа и Тело» и «Наука и религия», а так же многочисленные проповеди.

Работу о духе, душе и теле архиепископ начал в 20гг., а окончательно произведение оформилось в 1945-1947 гг. Выкристаллизовывалось эссе почти 20 лет, практически большую часть служения Войно-Ясенецкого Богу; показательно, что апологетический труд написан лауреатом Сталинской премии по медицине, т.е. человеком, намного более искушенным в естественных науках, чем хотя бы и хороший богослов.

Еще более важен тот факт, что эссе о духе и душе написано глубоко религиозным человеком, который без истерик показывает свою картину мира, описывает истинную религию изнутри, словами обыкновенного служителя Богу; там не даны результаты исследований религиозного опыта извне, когда религия исследуется в лабораторных условиях, и сама она описывается социологами, психологами, феноменологами, каждый из которых интерпретирует то, что сам никогда не чувствовал.

Войно-Ясенецкому посчастливилось прожить и проработать в этих «двух» мирах и показать, что соединение совершенно невозможного вполне возможно.

Чем же, по мнению Луки, была душа, и чем она отличалась от духа. Для начала архиепископ напоминает об актах сознания, которые вызываются:

- 1) восприятиями органов чувств;
- 2) органическими ощущениями нашего тела;
- 3) восприятиями от нашего трансцендентального существа;
- 4) восприятиями из высшего духовного мира;
- 5) воздействиями нашего духа.

Акты сознания, продолжает Лука, не бывают изолированными, мысль всегда сопровождается чувством, чувство и воля – мыслью, а чувство – волевыми движениями; акты воли всегда связаны с чувством и мыслями; комплекс этих одновременно протекающих актов сознания определяет состояние сознания. Эти состояния сознания беспрестанно изменяются, т.к. акты сознания находятся в постоянном движении. Что касается объема сознания, то он определяется богатством, разнообразием и глубиной актов и состояний соз-